

ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ ЗАРЕЦКИЙ

доктор исторических наук, доцент, профессор факультета гуманитарных наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3923-8775; yzaretsky@hse.ru

ПЕРВЫЙ УЧЕБНИК ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А н н о т а ц и я . Впервые подробно рассматривается содержание учебного пособия по всемирной истории, изданного профессором права и истории Императорского Московского университета Ф. Г. Дильтеем (1723–1781). Этот учебник, «Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею, в пользу обучающагося российскаго дворянства», был напечатан в типографии университета в 1762, 1763 и 1768 годах в трех томах с параллельным текстом на французском и русском языках. Его содержание анализируется в контексте историографии и образовательных практик середины XVIII века в России и Западной Европе. Особое внимание уделено фигуре автора, его методическим рекомендациям, порядку изложения событий всемирной истории, представлению истории славян, читательской аудитории. Несмотря на ряд новаций, учебник Дильтея не стал знаковым событием ни в российской историографии, ни в истории российского образования. Однако знакомство с его содержанием и обстоятельствами появления позволяет представить выразительный эпизод распространения исторических знаний в России третьей четверти XVIII века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Московский университет XVIII века, всемирная история, профессор Ф. Г. Дильтей, историческое образование

Д л я ц и т и р о в а н и я : Зарецкий Ю. П. Первый учебник истории Московского университета // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1187

ПЕРВЫЙ ИСТОРИК

Филипп Генрих Дильтей (1723–1781) прибыл в Московский университет по приглашению И. И. Шувалова осенью 1756 года из Вены¹. Имея степень магистра свободных наук Инсбрукского университета, а также «доктора обоих прав» Венского, он был зачислен здесь в штат в качестве «прав и истории профессора». 31 октября было опубликовано объявление куратора Московского университета Шувалова о публичной речи профессора Дильтея и начале чтения им курса лекций:

«...Объявляем, что господин Филип Генрик Дильтей, Профессор прав, Электоральной Могунтинской Академии полезнейших Наук Член, а в сем Императорском Московском Университете Прав и Истории Профессор, сего Октября 31 дня, то есть в четверток в 9 часов по полуночи, речь при собрании говорить будет; а в следующий день как о Правах, так и об Истории ординарные свои лекции преподавать начнет» [4: 185–186].

В университетском каталоге на первое полугодие следующего 1757 года сказано, что помимо «права естественного и народного» он публичные лекции

«о Всеобщей истории продолжит четыре дня в неделю, то есть по понедельникам, вторникам, четверткам и пятницам, в публичной аудитории, с восьмого часа до десятого со всей тщательностью...» [5: 308].

Со второго полугодия 1757 года публичные лекции по всеобщей истории Дильтей передает своему молодому коллеге, недавно прибывшему в Москву, Х. Келлнеру². После скоропостижной смерти Келлнера снова ненадолго возвращается к чтению исторического курса. В университетском объявлении на 1760/61 год сказано, что он

«в публичных своих лекциях по понедельникам, вторникам, четверткам, и пятницам в большой Аудитории, в зимние месяцы от 7 до 9, а в летние от 8 до 10 часов будет читать Исторический курс по сочиненной славным господином Целларием Универсальной истории»³.

Впрочем, уже со следующего года и до окончания службы в университете Дильтей преподает исключительно юридические дисциплины.

Перестав читать историю в университете, Дильтей продолжил обучать историческим на-

укам на французском языке на дому. Причем помимо всеобщей он знакомил своих учеников и с историей России. Об этом мы узнаем, в частности, из университетского объявления о лекциях на второе полугодие 1758 года. Здесь сказано, что Дильтей «по полудни приватно историю Российскую на Французском языке преподавать имеет» [6: 208]. То есть профессор стал давать уроки истории на дому и, судя по объявлениям, которые он публиковал в «Московских ведомостях», продолжал их на протяжении нескольких лет.

В университете Дильтей был человеком далеко не последним. Занимая должность декана юридического факультета, он долгое время считался в нем «старшим» среди профессоров. Всеобщее признание имели и его научные заслуги. Дильтеем было опубликовано больше десятка книг, которые не раз переиздавались и принесли ему славу одного из самых известных в России правоведов. В 1780 году, после двадцати лет университетской службы, он подал прошение об отставке по состоянию здоровья, уехал в Санкт-Петербург и там спустя несколько месяцев умер. Однако карьера Дильтея была отнюдь не безоблачной. Летом 1764 года вследствие конфликта с руководством он был уволен, но в марте 1766 года, после долгого разбирательства в Сенате, восстановлен по указу Екатерины II. С этого времени до окончания службы он оставался в Московском университете одним из самых авторитетных профессоров [3].

Безусловно, с точки зрения современной науки Дильтея вряд ли можно считать профессиональным историком. Однако в его время «чистых» историков вообще не было. Правда, с XVII века в Европе начали появляться должности королевских историографов, которым государи поручали составлять национальные истории, однако эти должности занимали люди, не имевшие ни специальной подготовки, ни специальных исторических знаний: их тогда просто негде было получить. Поскольку между занятиями историей и литературой не видели принципиальных различий, историографами чаще всего были просто образованные представители высших сословий. Безусловно, их исторические сочинения претендовали на правдивость, однако научно обоснованных различий между тем, что мы назвали бы «исторической истиной» и «историческим вымыслом», еще не существовало: рациональные методы критики и филологического анализа исторических источников только начинали складываться⁴.

Преобразование истории в науку (то есть способ познания прошлого, использующий определенные критические процедуры) особенно быстро происходило тогда в Геттингенском универси-

тете. Исторического факультета, правда, в нем еще не было и историю там преподавали на факультете философском вместе с географией, статистикой, политическими и филологическими науками, вспомогательными дисциплинами. Не была исключительно исторической и научная продукция тех его профессоров, которых мы сегодня без всяких сомнений называем историками. А. Л. Шлецер, например, помимо трудов по всеобщей и русской истории был автором русской грамматики, одним из создателей статистической науки, читал лекции по банковскому делу, ввел в научный оборот понятие «этнология», был популярным публицистом и издавал политический журнал, в котором с либеральных позиций критиковал власти [10]. Другой пример – Ш. Роллен, опубликовавший множество сочинений по истории, в их числе и монументальную «Древнюю историю» в двенадцати томах⁵. Он получил богословское образование, имел монашеский сан и в Парижском университете занимал кафедру профессора риторики и красноречия.

В общем, можно заключить, что Дильтея, как и многих ученых того времени, можно назвать энциклопедистом. Хотя, конечно, в первую очередь все же правоведом, а не историком. Точно так же, как Ломоносова в первую очередь называют химиком и физиком, а не поэтом или историком. Что, впрочем, не помешало его «Краткому российскому летописцу» на протяжении десятилетий оставаться главным университетским пособием по русской истории⁶.

УЧЕБНИК ИСТОРИИ. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Главным свидетельством, которое оставил о себе Дильтей-историк, стал его учебник⁷. Это был не только первый исторический труд, созданный профессором Московского университета, но и вообще *первый печатный обзор всемирной истории, созданный в России*. Посмотрим, что он собой представлял.

«Первые основания универсальной истории» были изданы в трех частях (в 1762, 1763 и 1768 годах) параллельно на французском и русском языках. Как следует из названия книги и разъяснений автора в ее предисловии, предназначалась она для домашнего обучения отпрысков из благородного сословия. Изложение материала давалось здесь в хорошо знакомой и понятной учащимся того времени вопросно-ответной (катехизисной) форме. Что касается перерыва между выходом второй и третьей части, то он объясняется увольнением Дильтея. Необходимо также добавить, что по не вполне ясным причинам издание книги осталось незаконченным: третью часть Дильтей предполагал опубликовать в двух томах, вышел же только первый. И другое

важное добавление: издание учебника было задумано как коммерческое предприятие, то есть он печатался в типографии Московского университета за счет собранных автором средств, которые он рассчитывал вернуть с лихвой. Наконец, еще одна важная деталь: учебник использовался Дильтеем во время частных уроков, проходивших у него дома.

Итак, раскрываем его первую часть. После титульных листов (французского и русского) идет двуязычное посвящение автора восьмилетнему наследнику престола великому князю Павлу Петровичу. Составлено оно в полном соответствии с традиционной для своего времени высокой риторикой: «Пресветлейшее имя, которым ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО дозволили украсить сии основания истории, подает нам надежду к возстановлению златога века Августова и Меценатова» и т. д.⁸ После восхваления достоинств наследника, его матери Екатерины II и ее предшественников на российском троне (Петра Великого и Елизаветы Петровны) следуют раболепная формула подношения и мелким шрифтом набранная подпись в самом конце: «Подданнейший и всенижайший ФИЛИПП ГЕНРИХ ДИЛТЕЙ, Доктор и профессор юриспруденции и истории»⁹.

ПРЕДИСЛОВИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Для понимания характера и особенностей учебника важное значение имеет предисловие к первой части, разъясняющее «многие причины», по которым он был издан. Первой из них Дильтей называет отсутствие литературы подобного рода в России. Затем указывает основные источники, которые он использовал при его составлении, – труды двух французов: своего современника ученого-энциклопедиста П. Массюэ и знаменитого богослова и писателя XVII века Ж. Б. Боссюэ.

Дальше он подробно разъясняет, на какого читателя рассчитана эта книга, почему она двуязычна, и в заключение дает советы по ее использованию в преподавании истории. Одновременно Дильтей сообщает нам любопытные сведения о домашнем обучении в России того времени:

«Я издал сии сокращения истории для употребления моим ученикам, дабы не тратить времени, переписывая оные и не прийти в убыток, покупая книги дороже. Другое же мое намерение было такое, чтобы услужить господам учителям, снабдя их такою книгою, которую б могли они преподавать своим ученикам и которая служила б им наставлением в доказании истории, и была бы им великою ползю в таком случае, когда они не знают российского языка, что случается со всеми приезжающими в Россию, призваны ли они будут из иностранных земель или какой иной случай их сюда

приведет. Она им в таком случае весьма полезна будет как для них самих, так и для их учеников, еще не совсем разумеющих силу всех слов. Учитель может показать своему ученику перевод российской, написанный против французского»¹⁰.

Приведенный фрагмент предисловия позволяет сделать по крайней мере одно важное заключение: автор рассчитывал, что его учебник будут использовать не только русские, но и проживающие в России иностранцы. Хотя из его дальнейших разъяснений следует, что «Первые основания» адресованы в первую очередь именно русским читателям. Так, обращаясь к родителям юных читателей учебника, Дильтей упреждает их возможное недоверие к автору-иностранцу специальными рекомендациями. Те из них, кто не знает французского, говорит он, смогут проверить содержание книги с помощью русского текста и таким образом оценить ее вероисповедную чистоту и историческую «правильность»:

«Я еще намерен оказать услугу родителям и родительницам, не знающим иностранных языков, ибо они сомневаются, и имеют причину сомневаться, чтоб история, которой обучают их детей, не была против их закону или против правления, или против честности нравов, которые полезнее молодому дворянину, нежели великое знание. Родители и родительницы ни мало о сем сомневаться не должны, имея перед собой перевод с французского на российский язык, где они могут видеть учрежденные главы и в состоянии о них рассуждать, сходны ли они с их народом, их правлением и с их нравами»¹¹.

Что касается способа использования пособия во время занятий (то, что мы сегодня назвали бы методическими рекомендациями), то Дильтей ограничивается заявлением, что, поскольку изучение истории требует значительных усилий, заниматься ею следует регулярно и продолжительно: два раза в неделю в течение двух лет¹². Заканчивается предисловие учтивым обращением автора к читателям с просьбой простить допущенные в книге типографские погрешности и обещанием исправить их в следующем издании: если «Первые основания» будут благожелательно восприняты публикой («есть ли сии основания истории возымеют щастие понравиться обществу») ¹³.

В предисловии к первому тому третьей части «Универсальной истории», вышедшему в 1768 году, Дильтей развивает тему методических рекомендаций по использованию учебника в преподавании. Эти рекомендации представлены достаточно подробно и опираются на его практику работы с книгой («Нужно теперь и объявить способ употребления сея книги, ибо я сам опыт делал») ¹⁴. Он советует, чтобы на каждом за-

нятии ученики прочитывали по одному уроку – сначала по-французски, а затем, не подглядывая в книгу, переводили прочитанное на русский. После такого двойного прочтения он предлагает наставнику давать пояснения к каждому из приведенных в уроке вопросов и ответов до тех пор, пока их содержание не будет усвоено учениками («сколько надобно для углубления в памяти»)¹⁵. В конце занятия, наставляя он, необходимо перейти к тому, что сегодня называют «закреплением материала»: задавать вопросы каждому ученику, стремясь, чтобы до его окончания прочитанное запечатлелось в памяти каждого.

Разъясняя эту методику изучения истории, Дильтей подчеркивает ее пользу: благодаря ей ученики не только получают знания о всемирной истории, но смогут поупражняться в чтении, переводе и устной речи. И тут же поясняет, что он выступает против механического заучивания материала урока («и какую пользу имели бы они, умея наизусть сказать ответы двух или трех страниц?»)¹⁶. Гораздо полезнее «истолкование истории и повторение маленьких вопросов», хотя самыми важными будут пояснения учителя к тексту урока («изъяснение того, которой обучает истории»)¹⁷.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Посмотрим теперь, как Дильтей выстраивает рассказ о прошлом человечества. Очевидно, что в порядке изложения и содержании материала он опирается на европейскую историографическую традицию XVII – начала XVIII века, в частности представленную в трудах П. Массюэ и Ж. Боссюэ, на которые не раз ссылается. И хотя его учебник не следует за этими авторами буквально, по большому счету его содержание не сильно отличается от их сочинений. Как, впрочем, и от большинства немецких и французских пособий по всемирной истории того времени. В первую очередь это относится к его периодизации всемирной истории.

В середине XVIII века в европейском учебном мире по-прежнему доминировали представления о двухчастном делении истории человечества на древнюю (от сотворения мира до рождения Христа) и новую (от рождения Христа до современности). Соответственно, первые две части книги Дильтея посвящены древней истории, а последняя, третья, – новой. Что касается внутреннего деления этих больших эпох, то Дильтей также неоригинален. Древнюю историю он делит на девять периодов: от сотворения мира до потопа, от потопа до Авраама, от Авраама до Моисея, от Моисея до взятия Трои, от Трои до освящения Соломонова храма, от освящения храма до основания Рима, от Рима

до конца Вавилонского пленения евреев, от Вавилонского плена до разрушения Карфагена, и далее – до рождения Христа. Столько же этапов насчитывается и в новой эпохе: от рождения Христа до императора Константина, от Константина до возникновения новых государств на территории Западной Римской империи, от их возникновения до империи Карла Великого, от империи Карла до первого крестового похода, от первого крестового похода до образования Османской империи, от начала Османской империи до начала Реформации, от Реформации до воцарения Филиппа V в Испании, от Филиппа V до начала правления Георга I в Англии и далее – «до наших времен в 1762 году»¹⁸. Никаких новаций Дильтей не предлагает и при изложении событий древней истории, по устоявшейся традиции основанной на известных библейских рассказах и хрестоматийных сочинениях античных авторов. Гораздо более самостоятельны его сюжеты, посвященные истории новой, в частности связанные с Россией.

Для современного читателя несомненный интерес представляет введение к учебнику, в котором Дильтей истолковывает понятие «история», в особенности первый урок, названный им «О истории вообще». История определяется здесь как «точное и справедливое описание о происшедших приключениях, разделенных по течению времени, чтоб мы знали все, что приключилось примечания достойного в свете»¹⁹. Это описание различается по своему предмету и бывает четырех видов: история священная, светская, всеобщая и местная.

После разъяснения содержания каждой из них Дильтей называет две науки, без которых изучение истории является невозможным: хронологию и географию. И дальше на протяжении 16 (!) уроков подробнейшим образом рассказывает о способах летосчисления у разных народов, а также трудностях, которые создает их несходство. Он представляет ученикам четыре известные в его время периодизации всемирной истории: Варрона (темное, баснословное и историческое время), «древних стихотворцев» (золотой, серебряный, медный и железный века), средневековое (на семь веков) и, наконец, то, которое принято в его время и которому он следует (древняя и новая).

Примечательно, что, несмотря на учебный характер книги и катехизисную форму подачи материала, Дильтей не избегает в своем учебнике трудных вопросов. В частности, он признается ученикам, что с историческим летоисчислением связано множество сложных проблем:

«В. 90. Ясна ли подлинна хронология? О. Со всем тем еще много находится несправедливости и темности

в хронологии. [...] В. 91. Откуда происходит сия несправедливость и темнота в хронологии? О. Сия несправедливость происходит от многих причин. В. 92. Какая есть первая причина оной несправедливости? О. Чрезмерная различность в хронологии, находящаяся между Библиею 70 переводчиков и Библиею, называемую Вульгатом, причиняет такое замешательство, которого не знаем, как избежать»²⁰.

Можно предположить, что подчеркивание «темности» хронологии и связанные с этим противоречивые выводы ученых выглядели для тогдашнего российского читателя довольно смело или даже рискованно и что Дильтей вполне мог бы о них промолчать, дабы не смущать неокрепшие умы. Однако он не делает этого, даже когда касается весьма деликатных вопросов:

«В. 99. Нет ли несогласия о годе рождения Христова? О. Есть, и так, что более пятидесят разных мнений; но как бы то ни было, хронология достойна того, чтобы люди с лучшим рассуждением в ней упражнялись, и не надобно убегать трудностей, в ней находящихся. В. 100. В такой разности мнений, какому вы следуете? О. Я следую мнению, которое полагает рождество Христово в 4000 с Узерием, епископом Армахенским и Боссюэтом, епископом Метенским»²¹.

ДЛЯ РУССКИХ УЧЕНИКОВ

Не вызывает сомнений, что двуязычный учебник Дильтея был обращен в первую очередь к русскому читателю и лишь затем к иностранному. Это видно из того, что он не ограничивался компиляцией из исторических сочинений европейских ученых, но содержал материал, специально переработанный, дополненный и адаптированный к российским условиям. Об этом можно судить, например, из разъяснений автора о происхождении современного русского календаря и различий между принятым в России летоисчислением от сотворения мира и западноевропейским:

«В. 114. С какого времени в России начался год от первого Января? О. При Петре Великом, которой повелел в 1700 году начинать год с сего числа. В. С которого месяца у них начинался год прежде сего? О. С сентября месяца. В. Каким образом считали годы в России? О. От сотворения мира и вместо того, чтобы считать теперь 1762 год от рождества Иисуса Христа, должно бы было считать по нашему счислению 5796 год, но подлинно и теперь по церковному уставу счисляют 7270 год»²².

Нет сомнений, что некоторые сюжеты «Первых оснований» были хорошо знакомы его русским ученикам. В частности, открывающий собственноручно исторический рассказ семнадцатый урок «Сотворение мира» – все ученики Дильтея так или иначе изучали Закон Божий. То же

самое можно сказать и о нескольких следующих уроках – вплоть до начала античной истории, основывающихся уже на греко-римских авторах, гораздо меньше им известных. Ученики Дильтея также могли кое-что знать и о событиях европейской истории после падения Рима из иностранных переводов. А из «Синописа» Гизеля и «Краткого российского летописца» Ломоносова – об истории славян и Российского государства. Однако не вызывает сомнений, что в «Первых основаниях» они встретили немало для себя нового.

Наибольший интерес русских читателей вызывали, конечно, не библейские сюжеты, греко-римские древности или история Германской империи, а все, что было связано с Россией. В частности, рассуждения Дильтея о происхождении россов и их родстве с москвитями. Примечательно, что, как и во многих других местах учебника, Дильтей демонстрирует здесь критический подход к представлению исторического материала. Следуя сначала за библейским текстом, он затем переходит к его истолкованиям, к допущенным в этих истолкованиях ошибкам ученых и в конце указывает на причины этих ошибок:

«В. 245. Сколько ж было детей у Иафета? О. Семь: 1) Гамер, от которого произошли первые жители Галатии... и 7) Мосох. В. 246. Не от сего ли Мосоха поколение россов начинается? О. Некоторые авторы суть сего мнения, но они в том погрешают, ибо известно, что россы происходят от скифов и следственно их начало больше полагать надобно от Магога, общаго праотца гетов, массагетов и скифов. В. 247. Авторы, кои пишут происхождение россов от Мосоха, не погрешают ли в ином еще? О. Они еще в том погрешают, что их называют москвитянами, которое имя не собственно всей нации, но только жителям города Москвы или той провинции. В. 248. Откуда сия погрешность произошла? О. От малого знания писателей о России, не весьма знаемой другим европейским державам до Петра I...»²³.

Разумеется, внимание русских читателей не могли не привлечь сведения о славянах, которые Дильтей также подвергает критическому рассмотрению. Например, в уроке «История генеральная о готах» он не только демонстрирует знакомство с сочинениями древних и современных историков, но и оспаривает некоторые их выводы:

«Вопрос 173. Готы – немцы или славяне родом? Ответ. Тацит сомневается о вандалах, немцы они или сарматы; их язык, уверяет нас, что они принадлежат к последним. Писатели славянские, между которыми находятся С. Нестор Печерский, Мавроурбин Рагузской архимандрит и издатель Синописа Российской истории с многими манускриптами, которые называются летописцы, приводят нас в сомнение, были ли готы немецкой народ или славянской; но как их язык, не имея сходства со славянским, сходствует много с немецким,

то мы смеем подтвердить, что готы были народ немецкой, а не славянской»²⁴.

Критический подход к установлению исторической истины (разумеется, в границах его времени и индивидуальных познаний) Дильтей демонстрирует едва ли не во всех сюжетах, касающихся российской истории, педантично ссылаясь при этом на источники своих сведений:

«В. 186. Что нам известно о собственно так называемой России во время сей эпохи? О. Отин или Воден, будучи изгнан из Азии Помпеем Великим за 60 лет прежде Р. Х., вошел в Скифию, или в ту землю, которую мы ныне называем Россиею, себе оную покорил... Вероятность сего исторического повествования оставляем мы сочинителю онаго Г. Пуфендорфу, отсылая нашего читателя для изследования к тому 5 комментариев Санктпетербургской Академии Наук в историческом классе “о делах скифских”»²⁵.

Дальше, вновь следуя за Пуфендорфом («Пуфендорф в истории своей о Швеции, напечатанной в Амстердаме в 1732 году...»), он рассказывает о россах, однако, переходя к истории славян, начинает спорить со знаменитым ученым²⁶. Так, отвечая на вопрос «Что вы примечаете о славянах, собственно так называемых в сей эпохе?», он упрекает знаменитого ученого в отсутствии ссылки на источники («жаль, что господин Пуфендорф не пишет, на чем утверждает свою историю»)²⁷. А далее пускается в самостоятельное мини-исследование славянских древностей, не забыв сослаться на авторитетный в его время «Краткий российский летописец» Ломоносова:

«Мы найдем в Синописе о начале славянского народа, что Август сам не смел их атаковать по причине их храбрости и сил, и как ему советовали воевать с ними, то отвечал: “не подобает мне злотою удицею рыбы ловить”; якобы хотел сказать: “я не хочу больше изгубить, нежели обрести”. Также автор прибавляет, что он одному из своих генералов, именем Лентулию, писал, заповедуя, дабы отнюдь славянов раздражать войною не дерзал. [*Синопис о началах славянского народа стр. 5 в издании 1735 году] Нестор, отец славянской истории,

пишет, [*Г. Ломоносов в древней своей истории о России стр. 10] что они уже жительствовавали в Иллирике, когда С. Апостол Павел там Евангелие исповедовал, и что обитавшие около Дуная славяне перешли к северу, убягая насильного владения поселившихся между ними римлян»²⁸.

Приведенные в «Универсальной истории» сведения о начале славянского народа выглядят сегодня, конечно, чудовищно архаичными. У современного читателя, скорее всего, вызовут скептическую улыбку и поиски Дильтеем исторической истины. Однако его учебник вполне соответствовали «среднему» уровню европейского исторического знания того времени. Достаточно сказать, что в России в то время еще преподавали по совершенно устаревшему «Введению в генеральную историю» Гильмара Кураса, изданному дважды тысячными тиражами²⁹. К тому же нельзя забывать, что научной всемирной истории в нашем понимании этого слова, тем более истории России, тогда еще не существовало.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имена покупателей своего учебника, продававшегося по подписке, Дильтей публиковал в каждом из его томов. Зачем они приобретали книгу Дильтея и что находили в ней интересного? На эти два вопроса вряд ли удастся найти ответ, как, впрочем, и на многие другие, связанные с этим первым учебным пособием по истории Московского университета. Ясно только, что, в отличие от сочинений Дильтея по праву, «Первые основания» не оказали заметного влияния на развитие образования в России и не оставили следа в российской историографии. Однако знакомство с обстоятельствами появления этого учебника, его содержанием, способами распространения и кругом читателей позволяет рассмотреть «в высоком разрешении» один из любопытных эпизодов истории культуры России третьей четверти XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основные сведения о Дильтее см.: [2]; Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855; Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 1. М., 1855. С. 301–311; Русский биографический словарь. Т. 6. СПб., 1905. С. 381; Императорский Московский университет. 1755–1917: Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 215; [9]; Meusel J. G. Lexikon der von 1750–1800 verstorbenen deutschen Schriftsteller. Bd. 2. Leipzig, 1803. S. 368–370; Donnert E. Philipp Heinrich Dilthey (1723–1781) und sein Bildungsplan für Rußland vom Jahre 1764 // Österreichische Osthefte: Mitteilungsorgan des Österreichischen Ost und Südosteuropainstituts. 1989. V. 31. S. 203–237.

² См. о нем: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета... С. 403–404; Императорский Московский университет... С. 216.

³ Цит. по: [7: 53]. Имеется в виду трехтомный труд профессора университета в Галле К. М. Келлера (см. первое издание: Cellarius Chr. Historia universalis. Jena, 1702). Известно также, что 26 апреля 1761 года Е. Орлов, студент «из класса Исторического господина Профессора Дилтея», должен был читать в университете со-

- чиненную им диссертацию по истории, но «для избежания излишней продолжительности» времени чтение это было отменено. Тем не менее за свое прилежание Попов получил от университета золотую медаль [5: 629].
- ⁴ История как особая научная дисциплина впервые стала обособляться в германских университетах последней трети XVIII века. В это время в них «было сформулировано новое понятие “история” (Geschichtsbegriff), демонстрировавшее обретенную самостоятельность исторической науки (historische Wissenschaft)» [1: 198].
- ⁵ Rollin Ch. Histoire ancienne des Égyptiens, des Carthaginois, des Assyriens, des Babyloniens, des Medes et des Perses, des Macedoniens, des Grecs. Paris: J. Estienne, 1730–38. Vol. 1–13.
- ⁶ Начиная с 1760-х годов его часто добавляли приложением к переводам трудов по всемирной истории (см. об этом дальше). Впрочем, содержание «Краткого российского летописца» вскоре перестало удовлетворять растущим требованиям к историческому знанию. Запрос на его профессионализацию в России того времени язвительно сформулировал Шлецер, известный своей непримиримой критикой Ломоносова-историка: «...от химика по профессии уже а priori можно было ожидать такой же отечественной истории, как от профессора истории химии» (Шлецер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. [СПб., 1875]. С. 56). О развитии исторических знаний в России и их связи с европейской историографией во второй половине XVIII века см. новое фундаментальное исследование [8].
- ⁷ Дильтей Ф. Г. Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею, в пользу обучающегося российского дворянства = Premiers elemens de l'histoire universelle avec un abregé de la chronologie à l'usage de la jeunes noblesse de Russie. Ч. 1–3. [М.]: Тип. Моск. имп. ун-та, 1762–1768.
- ⁸ Дильтей Ф. Г. Первые основания универсальной истории. Ч. 1. С. 3, 5.
- ⁹ Там же. С. [15]. В начальной части книги пагинация не упорядочена.
- ¹⁰ Там же. С. 3 (со стр. 2 Предисловия идет новая пагинация).
- ¹¹ Там же. С. 3, 4.
- ¹² «А по колику История есть такая наука, которая требует долговременнаго и безпрестаннаго труда, то я желал облегчить способы, через которые б можно в оной иметь успехи, разделил ея на двулетнее учение, не задавая более двух уроков в неделю». Там же. С. 2–3.
- ¹³ Там же. С. 4.
- ¹⁴ Дильтей Ф. Г. Первые основания универсальной истории. Ч. 3. Т. 1. С. [7].
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. [9].
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Дильтей Ф. Г. Первые основания универсальной истории. Ч. 1. С. 65. Предлагая эту традиционную для учебных пособий его времени периодизацию, Дильтей все же проявил некоторую самостоятельность, выделив два последние этапа всемирной истории, доведенные до середины XVIII века. Однако, поскольку последний том второй части «Первых оснований» так и не вышел, рассказ в учебнике заканчивается образованием новых государств в результате германских нашествий и первыми столетиями их существования.
- ¹⁹ Там же. С. [3].
- ²⁰ Там же. С. 35, 37.
- ²¹ Там же. С. 39. Дильтей имеет в виду Архиепархию Римско-католической церкви в городе Арма (Северная Ирландия). Установить, кто такой «Узерий», мне не удалось.
- ²² Там же. С. 43, 45. Примечательно, что Дильтей не скрывает здесь того, что является европейским ученым: в его объяснении «у нас» – это у европейцев, а «у них» – у русских.
- ²³ Там же. С. 91.
- ²⁴ Дильтей Ф. Г. Первые основания универсальной истории. Ч. 3. Т. 1. С. 79, 81.
- ²⁵ Там же. С. 93.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 97.
- ²⁸ Там же. С. 97, 99.
- ²⁹ Курас Г. Введение в генеральную историю. Спб.: При Имп. Акад. наук, 1747.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гюнтер Х., Козеллек Р., Майер К., Энгельс О. История (Geschichte, Historie) // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. Т. 1. М., 2014. 728 с.
2. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: В 3 т. / Подгот. к печ., коммент. Н. А. Пенчко. М., 1960–1963.
3. Зарецкий Ю. П. Как профессор Филипп Дильтей отстаивал свою правду (Случай из ранней истории Московского университета) // Новое литературное обозрение. 2015. № 1 (Т. 191). С. 142–166.
4. История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): Сб. документов / Сост., вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышина. Т. 2. М., 2011. 374 с.
5. История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): Сб. документов / Сост., вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышина. Т. 3. М., 2014. 813 с.
6. История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): Сб. документов / Сост., вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышина. Т. 4. М., 2016. 1019 с.
7. Костышин Д. Н., Рычаловский Е. Е. Лейпцигские ученые в Московском университете и их письма академику Г. Ф. Миллеру в 1757–1762 гг. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1999 / Сост. Т. Б. Князевская. М., 2000. 715 с.

8. С в е р д л о в М. Б. Российская историография второй половины XVIII века. СПб., 2022. 540 с.
9. Т о м с и н о в В. А. Филипп Генрих Дильтей (1723–1781), первый профессор юридического факультета Московского университета // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15, вып. 4 (138) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.jes.su/issue.2024.2.4.4-138/> (дата обращения 12.01.2025).
10. P e t e r s M. Altes Reich und Europa. Der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig (v.) Schlözer (1735–1809). Münster, 2003. 528 S.

Поступила в редакцию 22.01.2025; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Yury P. Zaretskiy, Dr. Sc. (History), Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-3923-8775; yzaretsky@hse.ru

THE FIRST HISTORY TEXTBOOK OF MOSCOW UNIVERSITY

Abstract. The article provides the first detailed examination of the contents of a textbook on world history published by Philipp Heinrich Dilthey, professor of law and history at the Imperial Moscow University. This textbook, *The First Foundations of Universal History with an Abridged Chronology for the Benefit of the Educated Russian Nobility*, was published by the university in 1762, 1763, and 1768 in three volumes with parallel texts in French and Russian. Its content is analyzed in the context of the historiography and educational practices of the mid-eighteenth century, both in Russia and in Western Europe. Particular attention is paid to the book’s author, his methodological recommendations, the order of presentation of world history events, the presentation of the history of the Slavs, and the book’s target audience. Despite a number of its innovations, Dilthey’s textbook did not become a landmark event either in Russian historiography or in the history of Russian education. However, a study of its content and the circumstances under which it was written and published helps to obtain a vivid example of disseminating historical knowledge in Russia in the third quarter of the XVIII century.

Key words: Moscow University in the XVIII century, world history, Professor Dilthey, historical education

For citation: Zaretskiy, Yu. P. The first history textbook of Moscow University. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1187

REFERENCES

1. Günther, H., Kozellek, R., Mayer, K., Engels, O. History (Geschichte, Historie). *Dictionary of basic historical concepts. Selected articles*. Vol. 1. Moscow, 2014. 728 p. (In Russ.)
2. Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the XVIII century: In 3 vols. (N. A. Penchko, Ed.). Moscow, 1960–1963. (In Russ.)
3. Zaretskiy, Yu. P. How Professor Philipp Dilthey defended his truth (A case from the early history of Moscow University). *New Literary Review*. 2015;1(191):142–166. (In Russ.)
4. The history of Moscow University (the second half of the XVIII – early XIX centuries): Collection of documents. (D. N. Kostyshin, Ed.). Vol. 2. Moscow, 2011. 374 p. (In Russ.)
5. The history of Moscow University (the second half of the XVIII – early XIX centuries): Collection of documents. (D. N. Kostyshin, Ed.). Vol. 3. Moscow, 2014. 813 p. (In Russ.)
6. The history of Moscow University (the second half of the XVIII – early XIX centuries): Collection of documents. (D. N. Kostyshin, Ed.). Vol. 4. Moscow, 2016. 1019 p. (In Russ.)
7. Kostyshin, D. N., Rychalovsky, E. E. Leipzig scientists at Moscow University and their letters to Academician G. F. Miller in 1757–1762. *Monuments of culture. New discoveries. Yearbook of 1999*. (T. B. Knyazevskaya, Ed.). Moscow, 2000. 715 p. (In Russ.)
8. S v e r d l o v, M. B. Russian historiography of the second half of the XVIII century. St. Petersburg, 2022. 540 p. (In Russ.)
9. T o m s i n o v, V. A. Philip Heinrich Dilthey (1723–1781), first professor at the Faculty of Law of Moscow University. *The Journal of Education and Science “ISTORIYA” (“History”)*. 2024;15(4)(138). Available at: <https://history.jes.su/issue.2024.2.4.4-138/> (accessed 12.01.2025). (In Russ.)
10. P e t e r s, M. Altes Reich und Europa. Der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig (v.) Schlözer (1735–1809). Münster, 2003. 528 S.

Received: 22 January 2025; accepted: 3 March 2025